

Две книги о московских князьях

Антон Короленков

В последние два десятилетия биографический жанр в отечественной историографии переживает расцвет. Затронуло это и литературу о Московской Руси, которая обогатилась новыми или вообще первыми жизнеописаниями большинства великих князей и царей, а также некоторых некоронованных особ. Дошла очередь и до московских князей – Василия I и Василия III. Деятельность первого из них, навсегда обречённого оставаться в тени своего знаменитого отца, в последние годы уже не раз привлекала внимание исследователей – прежде всего следует назвать работы А.А. Горского и С.А. Фетищева (в которых освещались лишь часть его княжения или отдельные его аспекты)¹. В 2007 г. увидела свет монография Н.Е. Веденеевой, посвящённая уже всей жизни этого князя².

Рассмотрение политической биографии Василия I автор начинает с событий 1370-х гг., особо останавливаясь на поездках последнего в Орду ещё при жизни Дмитрия Донского. По поводу первой из них сообщается, что «прия его царь [Тохтамыш] в 8 000 [рублей] серебра». Эта сумма, по мнению Веденеевой, являла собой, скорее всего, задолженность Дмитрия перед Ордой или выкуп за Василия, а также цену ярлыка на великое княжение владимирское. Однако ещё до получения ханом этих денег княжич бежал. По дороге домой он побывал во владениях Витовта и вёл с ним переговоры, во время которых литовский правитель, возможно, и склонил Василия к браку с его дочерью. Не исключено, что Василий ездил в Орду и перед самым своим вокняжением, но, судя по всему, «был принят довольно сухо, если не сказать враждебно» (с. 88). «К моменту вступления на престол Василий успел пройти довольно основательную... жизненную школу, посетил несколько стран. В этом с ним, пожалуй, не мог сравниться никто из его ближайших предков, современников и потомков» (с. 70–78).

При анализе внутренней политики Василия уже как князя в первую очередь рассматриваются его отношения с Церковью. Здесь Василий I, по мнению Веденеевой, занимал твёрдую, взвешенную позицию. Она считает, что возвращение на Русь митрополита Киприана не привело к усилению византийского влияния, как полагают некоторые учёные. Отношения между великим князем и митрополитом были сдержанными, сообща они действовали лишь в тех случаях, когда их интересы совпадали. Когда произошёл конфликт в Новгороде из-за попытки заменить архиепископский суд митрополичьим, «уладить его удалось лишь великому князю Московскому», однако тут же указывается, что дело дошло до военных действий, закончившихся промежуточным мирным со-

© 2013 г. А.В. Короленков

¹ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 119–140; Фетищев С.А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., 2003.

² Веденеева Н.Е. Василий Дмитриевич – великий князь Московский (1389–1425). Астрахань, 2007. 196 с.

глашением в 1393 г. (с. 93–94), что никак невозможно назвать «улаживанием». К тому же когда Киприан приехал в Новгород в 1395 г., «новгородцы суда ему не даша»³. Об этом обстоятельстве, весьма «неудобном» для её построений, Н.Е. Веденева умалчивает.

С преемником Киприана Фотием у Василия, по мнению автора, сложились «ровные спокойные отношения и взаимопонимание» (с. 98). В основе союза князя с митрополитом были не только политические, но и имущественные дела. Нет сведений о земельных пожалованиях Троицкому монастырю при Василии Дмитриевиче, но зато щедро жаловались митрополичьи монастыри (Симонов, Горичкий и др.) – как землями, так и льготами. При этом на только что присоединённых к Москве территориях великий князь проводил «курс на регламентацию деятельности митрополита» (с. 104). В целом же, констатирует автор, хотя интересы великокняжеской и митрополичьей власти не всегда совпадали, Василию удавалось избегать открытых конфликтов с духовенством и ясно сформулировать свои взгляды на задачи митрополичьей кафедры (с. 108).

Отношения Василия I с удельными князьями, как отмечает Веденева, были весьма непростыми – уже в начале правления произошло «розырьё» с Владимиром Андреевичем Серпуховским. Конфликт удалось уладить на основе компромисса. Автор возражает против мнения А.Л. Хорошкевич о падении влияния Владимира в начале XV в. – в 1401 г. Иван Владимирович (очевидно, сын серпуховского князя) женился на дочери Фёдора Ольговича Рязанского Василесе – племяннице Василия Дмитриевича, что было обусловлено, по мнению автора, желанием Василия обеспечить престол своему сыну, какового и признал наследником Владимир. При этом великий князь «отнял» (sic!) у него Ржеву и Волок в обмен на Городец, Углич и другие земли (едва ли можно говорить в такой ситуации про «отнятие»). Заодно на опытного воина Владимира Серпуховского возлагалась оборона этих территорий (с. 113–114). Кратко рассматривается и сотрудничество Василия с его братьями Юрием, Андреем, Петром и Константином. В отношении Юрия отмечается, что великий князь, посылая его воевать то с новгородцами, то с ордынцами, возможно, заблаговременно ослаблял позиции брата на случай, если тот попытается бороться за великокняжеский престол – на поддержку Новгорода и Орды в этой ситуации ему было бы рассчитывать куда труднее (с. 117–118).

Автор выявляет «две группы бояр, на которых опирался Василий. Первой была группа «старцев» – Фёдор Кошка, Данила Бяконт, троичкий игумен Сергий, помогавшие Василию в решении проблем, связанных с Ордой, более всего занимавших князя в начале правления. К началу XV в. «старцы» либо уходят из жизни, либо теряют влияние. На смену им приходят И.Ф. Кошка, И.Д. Всеволож, М.А. Челядня и др. На эти группы, считает автор, Василий «опирался в разные периоды своего княжения в зависимости от тех задач, которые вставали на повестку дня и требовали своего разрешения именно в данное время» (с. 118). Однако в книге прямо признаётся: «Источники не содержат подробных сведений о внешнеполитических задачах “юных” бояр» (с. 119). Отметим определённую некорректность подобной постановки вопроса, ибо граница между внутри- и внешнеполитическими вопросами для той эпохи была весьма условна. Правда, приводится пример того, как при разрешении конфликта между Фёдором Рязанским и Иваном Пронским Василий встретил поддержку

³ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 387.

«юных» бояр, тогда как «старцы» «не похвалиша» поведение великого князя (с. 140). Здесь автор умалчивает о весьма важных обстоятельствах. В Тверской летописи, где содержатся цитированные высказывания, говорится о том, что он послал войска на помощь Фёдору Рязанскому, чего «старци» и не одобрили, результатом же стало поражение московско-рязанского войска на р. Осётр⁴. Под «юными» боярами, чьего дурного совета послушался Василий, очевидно, подразумеваются просто неразумные советники, а под старцами – те, кто им возражал – ситуация, характерная для летописных рассказов⁵. Но даже если считать, что перед нами не просто дурные советники (хотя вполне возможно, что молодые люди могли быть и среди сторонников «старцев», и наоборот), а политическая группировка, занимавшая определённую позицию, то стоило упомянуть, к чему привело следование её советам.

Рассматривая отношения Василия I с городами, Н.Е. Веденева отмечает, что, как и при Дмитрие Донском, зависимость городов от великокняжеской власти продолжала усиливаться. По мнению автора, даже передача их в кормление выходцам из Литвы должна была «подчеркнуть необходимость подчинения всех русских городов Москве как центру формирующегося единого государства» (с. 123). (При этом исследовательница не потрудились доказать, что Василий осознавал себя строителем такого государства.) Князь активно способствовал развитию торговли, имея целью, разумеется, рост доходов своей казны. Стремясь ускорить освоение пустошей, великокняжеская власть давала льготы новопоселенцам, при необходимости поощряла и переходы от одного вотчинника к другому. Однако в целом политика в отношении крестьян и холопов была, по мнению автора, достаточно жёсткой. Правда, приведённые доказательства этого явно недостаточны: в одном случае упоминается, что суд об убийстве среди новопоселенцев находился не в их ведении, как в других случаях, а наместника, а в другом, что «тата и разбойника... с одного казнят» – т.е. после первой же поимки (с. 125). Что особенно жёсткого усмотрела в этом Веденева, неясно.

Значительное место уделяется внешней политике Василия, которая, как уже отмечалось, не вполне отделима от внутренней. Так, отношения с Церковью, отнесённые к внутренней политике, были также и частью внешней, ибо в них участвовал и константинопольский патриарх. То же очевидно и на примере длительной борьбы за Нижний Новгород, который московский князь уже с 1392 г. считал своим. А поскольку нижегородские князья использовали внешние силы – отряды татар, то мы опять-таки имеем дело и с внешней, и с внутренней политикой. Н.Е. Веденева пытается разрешить эту трудность: «Борьба Василия I с нижегородскими князьями в 10-х гг. XV в. была уже не столько борьбой за обладание Нижним Новгородом, каковой она была в 90-х гг. XIV в., сколько борьбой в защиту населения Нижегородского княжества от его мятежных князей (к этому времени Нижегородское княжество уже являлось территорией, подвластной Москве. – *Н.В.*)» (с. 138). Иначе как софистикой это назвать трудно – с точки зрения Василия, Нижний Новгород принадлежал ему с момента приобретения на него ярлыка в Орде. Вызывает недоумение и основанный на указании Тверской летописи тезис о том, что местному населению «московские войска не причинили никакого вреда». Однако в соответствующую

⁴ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 480–481; Т. 7. СПб., 1856. С. 244.

⁵ См. : *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 348 и прим. 80.

щем пассаже летописи речь идёт лишь о том, что москвичи не тронули нижегородцев, когда те вышли встречать их «с кресты»⁶. Это отнюдь не означает, что московские рати не трогали крестьян.

Н.Е. Веденеева отмечает, что в отношении Твери Василий проводил осторожную политику, докончание 1396 г. содержало более выгодные для неё условия, чем 1375 г. В распри тверских князей Москва не вмешивалась, но беглецов оттуда принимала охотно. В свою очередь Тверь, хотя и не всегда была довольна позицией Москвы, всё же в 1408 г. не оказала помощи Едигею во время его похода (с. 140–143). Что касается отношений с Новгородом, то борьбу с ним Василий вёл всё своё княжение, однако в итоге она закончилась не слишком удачно. Захватив часть новгородских владений, в 1424 г. великий князь от многих из них отказался – как допускает автор, желая обеспечить лояльность новгородцев по отношению к его сыну, будущему Василию II (с. 143–145).

Автор отмечает осторожность, даже нерешительность Василия в его отношениях с Литвой, которая проявилась в ситуации со Смоленском (не вполне понятно, впрочем, насколько велики были возможности не дать литовцам его захватить). Не помог великий князь и Пскову, лишь «переадресовав» его просьбу о помощи Новгороду. Отчасти такая позиция, по мнению Н.Е. Веденеевой, обуславливалась его желанием обеспечить в будущем устойчивость положения своего наследника – Василия Васильевича (с. 148–153). В отношениях Василия I с Ордой автор выделяет три периода: до разгрома Орды Тимуром (1395 г.); до 1410 г., когда к Даниилу Борисовичу вновь перешёл Нижний Новгород; до смерти Василия (с. 153). Автор признаёт, что после 1395 г. со стороны московского князя имели место «излишняя беспечность, доверчивость и недооценка татарской силы», которые дорого обошлись Руси (заметим: далеко не всей), когда она стала жертвой нашествия Едигея (с. 158). Исследовательница не совсем согласна с мнением А.А. Горского, который считает, что поход Едигея не привёл к какому-либо соглашению с ним Василия. Однако её аргументы – ссылки на возобновление выплаты дани и визитов Василия Московского и Ивана Тверского в Орду, чеканку монеты «с именем Тохтамыша или косвенным указанием на Едигея» (sic), активизацию антимосковских действий нижегородских князей (с. 159) – точки зрения Горского не опровергают.

В то же время, отмечает автор, Василий не стал утверждать своё завещание в Орде, как впоследствии поступали его преемники. В заключение Н.Е. Веденеева указывает на противоречивость политики сына Дмитрия Донского в отношении Орды: он «хитрил и угождал ордынской знати, действовал и рассуждал, как ханский улусник, в то же время был смел, своенравен и непослушен» (с. 160). Но в то же ли время? Думается, это происходило не одновременно, а в зависимости от ситуации, причём, как признаётся в книге, это не всегда приводило к удачным результатам, ярким подтверждением чего является нашествие Едигея. Веденеева оценивает Василия как крупного политика, чья деятельность «была направлена на... консолидацию русских земель и борьбу с системой золотоордынского ига». По её словам, «при старшем Дмитриевиче Москва сделала очень существенный шаг на пути усиления своего влияния и могущества» (с. 167).

Таково основное содержание книги. В целом она даёт представление о политике Василия I. Однако слишком многое вызывает возражения, в том

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487 (в книге ошибочно указано 486).

числе и композиция работы. Не вполне ясно, почему в главе о внутренней политике отношения с Церковью идут раньше отношений с удельными князьями, важность которых, несомненно, была выше. В главу о внешней политике неожиданно вклиниваются рассуждения об идеальном князе вообще и о Василии Дмитриевиче в частности (с. 129–137). Кроме того, как мы видели, автор не всегда аккуратно излагает данные источников. Не всё корректно и в её обращении с историографией. Так, рассматривая группы бояр, окружавших великого князя, автор не упоминает о работе, проделанной С.М. Соловьёвым⁷. Рассуждая о «старцах» и «юных» боярах, она игнорирует трактовки, имеющиеся по данному вопросу в научной литературе – в частности, у Горского, который считает, что первые были сторонниками выплаты дани Орде, но противниками допуска татарских отрядов на подвластные Москве земли, тогда как вторые, наоборот, возражали против выплаты дани, но стояли за совместные с татарами действия – прежде всего против Литвы⁸. Давая в конце книги оценку личным качествам Василия I, она проходит мимо отрицательной характеристики последнего, которую можно встретить, например, у Г.В. Абрамовича, считавшего сына Дмитрия Донского человеком властолюбивым, жестоким, жадным и мстительным⁹. Действительно, после захвата Нижнего Новгорода Василий не только не дал правившему там до того времени Борису Константиновичу взамен хоть какой-то удел, на который тот имел полное право как Рюрикович, но и отправил его, своего двоюродного дядю по материнской линии, в заточение, велел «в вериги железныя связати и в велицей крепости дрѣжати» – равно как и его семью и «доброхотов»¹⁰. Защищая великого князя от обвинений со стороны М.Н. Тихомирова в неумелой политике и излишней доверчивости (с. 14), Н.Е. Веденева противоречит себе, ибо, как мы видели, сама признаёт его беспечность, доверчивость (она использует то же самое слово) и недооценку им сил татар. Причём стоило бы упомянуть, что Василий обещал платить дань Орде, но не делал этого, отговариваясь неплатёжеспособностью¹¹, что было почти вызовом куда более сильному Едигею, а не проявлением «доверчивости». Негибкость в отношении нижегородских князей привела к тому, что вполне успешная на первый взгляд акция по присоединению Нижегородского княжества обернулась длительной и тяжёлой борьбой за него, а одним из результатов Едигеева похода стало то, что Даниил Борисович сумел после него вернуть Нижний Новгород¹² почти на 15 лет, а затем разорить Владимир и разбить брата Василия I, князя Петра Дмитриевича, при Лыскове¹³. Опять-таки есть веские основания предполагать, что более компромиссная политика позволила бы избежать подобных эксцессов. В свете этого требует как минимум серьёзных оговорок вывод Н.Е. Веденева о том, что в «неумении грамотно вести государственные дела Василия упрекнуть нельзя. Он исключительно точно оценивал историческую обстановку» и проявлял осторожность (с. 166).

⁷ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 378–379.

⁸ Горский А.А. Указ. соч. С. 132.

⁹ Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 56.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 147, 148.

¹¹ См.: Горский А.А. Указ. соч. С. 134, 136, 197.

¹² Возможно, это произошло уже во время самого нашествия: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 330.

¹³ Горский А.А. Указ. соч. С. 134, 136.

Очевидно также, что автор рассуждает с позиций победившей Москвы: нижегородские князья для неё сепаратисты и мятежники (с. 59, 138), политика Василия характеризуется как «объединительные усилия» (с. 124), что заведомо ставит его соперников в невыгодное положение в глазах неосведомлённого читателя. Как нечто само собой разумеющееся звучит утверждение, будто «после Куликовской битвы в 1380 г. она (Москва. – А.К.) становится национальным центром русского народа» (с. 62). Никаких доказательств этого тезиса не приводится, а его частая повторяемость в литературе аргументом, естественно, не является. Остаётся также посетовать на неаккуратность автора, из-за чего Ливонский орден превратился в Литовский (с. 46), Фроловские ворота Московского Кремля – во Флоровские (с. 70), а константинопольский патриарх – в «византийского» (с. 57).

Перейдём теперь к персонажу более позднего времени. Вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» биография правнука Василия I, великого князя Василия III, принадлежит перу петербургского историка А.И. Филюшкина¹⁴. Он начинает книгу с того, что Василий III – первый московский государь, «которому мы можем взглянуть в лицо», ибо сохранилось достоверное его изображение на парсуне XVI или XVII в., где он весьма похож на своего знаменитого сына, Ивана Грозного (с. 5–6). Автор достаточно подробно останавливается на особенностях политической борьбы тех времён, русских государственных институтах XV–XVI вв., вопросах экономики и внешней политики, так что можно было бы назвать книгу «Василий III и его время». Однако она не стала обновлённым вариантом известной монографии А.А. Зиминой¹⁵. Наблюдения автора (или тех учёных, чьи мнения он разделяет) по упомянутым вопросам подчас весьма интересны. Он отмечает, например, что иноземные правители несколько раз называли Василия III самодержцем, но ни он, ни Иван Грозный этот титул так и не приняли, а официально он утвердился лишь при Фёдоре Ивановиче, который менее всего был похож на самодержца (с. 53). Говоря о роли Боярской думы, Филюшкин указывает, что при Василии III «всё определялось не статусом думы как политического института, а степенью личного влияния того или иного персонажа на государя» (с. 56). При этом, чтобы укрепить своё влияние в начале правления, Василий пополнил её боярами из числа окольничих, что стало важным новшеством, ибо прежде окольничие этой чести почти не удостаивались (с. 58).

Любопытны, хотя и не бесспорны соображения автора о том, что привлекло верховских князей на сторону Ивана III, ведь в конце XV в. религиозным притеснениям они не подвергались, а ссылки кн. С.И. Бельского на попытки литовских властей силой обратить его в католичество и вообще гонения на «греческий закон» – «явная пропаганда», ибо «князья говорили то, что хотелось услышать их новому господину, Ивану III». Однако литовские власти уже начали наступление на их вольности, чем и воспользовался Иван III, убедивший верховских князей через своих агентов в том, что будет свято блюсти их права. Но его сын делать это уже перестанет и почти полностью ликвидирует удельную систему (с. 112–113). Думается, одно другому не противоречит, но всё же сбрасывать со счетов религиозный вопрос не стоит. Конечно, князь Бельский, человек глубоко религиозный, мог преувеличивать, исключить нельзя (то, что

¹⁴ Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. 347 с.

¹⁵ Зиминая А.А. Россия на пороге Нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

он сознательно искажал истинное положение дел в угоду Ивану III, требует доказательств), но запрет Елене Ивановне построить для себя православную церковь и вообще отказ Александра Казимировича разрешить их возведение со ссылкой на соответствующий закон¹⁶, вызвавшая жалобы активная деятельность по насаждению униатства митрополита киевского Иосифа и другие факты свидетельствуют о не самом благоприятном положении православных в Литве уже в то время¹⁷. Да и проекты унии в любой момент могли превратиться в нечто большее.

Личность отца Ивана Грозного автор оценивает в целом достаточно объективно. Он не приписывает ему особых талантов политика и государственного деятеля, признаёт его малодушие во время крымского набега 1521 г., жестокость и вероломство по отношению к политическим противникам или просто недовольным. Удивляться не приходится – Василию III «пришлось буквально прорываться к власти», ибо он был младшим из княжичей (с. 12). К тому же, как справедливо указывает автор, «циничная философия», основанная на откровенной формуле Ивана Грозного «жаловать своих холопов есмь вольны, а и казнить вольны же», «была присуща всем Калитичам» (с. 58). Однако альтернативой подобному поведению могли стать гражданская война и распад государства. Василий Иванович достаточно умело вёл переговоры с Западом, не дал себя втянуть в антитурецкую коалицию, завершил объединение русских земель, не допустил серьёзных провалов в отношениях с наследниками Золотой Орды. «Сомневаться в масштабах деяний Василия III не приходится, – пишет Филюшкин. – В них явно больше положительного и полезного для страны, чем неудач и потерь... Правление Василия III – это переходный период. Когда происходило превращение Великого княжества Московского и государства всея Руси в Российское царство. И самодержавный царь Василий... был демиургом этого процесса (sic!). Строителем, творцом. Менее ярким, чем отец, менее ужасающим и впечатляющим, чем сын. На его долю пришлась рутинная созидательная работа. Такие правители в истории держав необходимы, хотя и никогда не входят в “Топ-50” национальных лидеров» (с. 326)¹⁸.

Казалось бы, А.И. Филюшкин вполне объективен. Он признаёт, что московские князья действовали отнюдь не похвальными методами, и «кирпичами в величественное здание “Всея Руси” должны были лечь региональные культуры, земли, народы с их свободами», но «великие государства всегда строятся железом и кровью» (с. 21, 23). В результате «русская удельная знать оказалась перемолота жерновами истории». «Могло ли быть иначе? – спрашивает автор. – Можно ли было не травить князей дымом в тюремных камерах? Не надевать им на руки такие тяжёлые кандалы, что они не могли подносить руки ко рту и умирали от голода в страшных муках...? Не подсылать убийц, не травить ядом...? Наверное, можно. Только вот тогда велик риск, что мы жили бы не в России,

¹⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 105.

¹⁷ См., например: Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 105–106.

¹⁸ Нельзя не заметить, что эта оценка едва ли не целиком применима и к Василию I – он также был сыном и продолжателем дела такого яркого правителя, как Дмитрий Донской, и отцом одного из худших представителей московского дома – Василия II (который, впрочем, в отличие от Ивана Грозного, даже «впечатляющим» назван быть не может). Оба Василия добились заметных успехов, но не столь выдающихся, как их отцы. Можно отметить и менее принципиальное совпадение – при обоих Москву едва не захватили татары.

а в Новгородской демократической республике или Независимой Московской республике» (с. 50).

Обычная, на первый взгляд, констатация того, что политику в белых перчатках не делают. Но это лишь первое впечатление. Во-первых, рассуждения об угрозе единству Руси применительно к данному времени аргументом служить не могут – со второй половины XV в. говорить о таковой вряд ли серьёзно. Во-вторых, можно объяснить необходимость политических убийств, но одно дело устранить опасного человека, а другое – делать его уход из жизни как можно более мучительным. В-третьих, автор обходит молчанием важнейший вопрос о том, что московские князья не признавали никаких правил игры, считая по отношению к слабейшему дозволенными любые действия. Именно произвол власти был и остаётся одним из величайших пороков российской государственности, который на деле ведёт не столько к её укреплению, сколько к разрушению, что и показала Смута¹⁹, явившаяся во многом следствием политики Ивана Грозного с его «девизом» «а и казнить вольны же».

В этом контексте не удивляет тезис Филюшкина о том, что Иван III включил в состав Русского государства земли верховских князей, а Василию III предстояло «расхлёбывать проблему (sic!) этих недобитых удельных правителей» (с. 113). Но было бы неплохо уточнить, в чём эта проблема состояла и почему правители добровольно вошедших в состав Русского государства княжеств являются «недобитыми». А вот насколько опасен был для удельных князей Василий Иванович, из текста книги вполне ясно – достаточно вспомнить вероломный арест Василия Шемячича. Рассуждения о том, что последний «вёл интенсивные переговоры с Литвой и с Крымом и неизвестно до чего мог договориться», что существовала «угроза измены» с его стороны (с. 289–290), могут объяснить, чего опасался Василий III, но подозрения – не доказательств. И даже не ставится вопрос о том, не были ли вызваны такие переговоры непредсказуемостью не склонного уважать чужие права московского князя.

Сложно согласиться со многими рассуждениями автора об отношениях с Западом России вообще и Василия III в частности. Соответствующая глава называется «Неевропейский выбор Василия III, который был сделан за него» (с. 210–241). Конечно, звучит оригинально, но вряд ли корректно: несомненно, московскому князю предложили неприемлемые условия «вхождения» в Европу (уния с папством, участие в антитурецкой коалиции, территориальные уступки Литве и т.п.), но всё же принять их или нет – зависело от него, и этот выбор Василий сделал сам. Неизбежность и правильность его отрицать не приходится, но то, как Филюшкин оправдывает оный, вызывает, мягко говоря, серьёзные нарекания: «Оглядываясь на прошлое, мы видим, что страны Восточной Европы, “выбиравшие” в XV–XVI веках европейский путь (Польша, Литва), быстро оказывались в “бахроме” “христианского мира”, употреблялись им в своих целях, а потом, выжатые им как лимон, утрачивали самостоятельность и расчленялись на составные части, которые азартно и не без кровопролития делили представители всё того же “христианского мира”» (с. 242). Однако автор не может не знать, что выбор в пользу «Европы» (т.е. католицизма) Польша сделала ещё в конце X в., и в «бахрому» «христианского мира» она превратилась не «быстро», а лишь в XVIII в. Её распад был связан не столько с вероиспо-

¹⁹ Как верно заметил А.В. Чернышов, «величая Тверь “неудавшейся Москвой”, следовало бы сначала выяснить, а “удалась” ли сама Москва» (*Чернышов А.В. Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв.*, М., 1996. С. 14).

веданием, сколько с особенностями политической системы Речи Посполитой, которая, в свою очередь, от выбора веры почти не зависела и, кстати, была для Европы достаточно уникальной.

Вызывает вопросы и ещё один, весьма популярный ныне тезис: «Не следует думать, что абсолютно всё в сочинениях европейцев (о России. – *А.В.*) было выдумкой и пропагандой. Россия во многих своих чертах (*sic!*) отставала от Запада, и дотошные гости это с удовольствием отмечали. Но в целом, несомненно, подход иностранных авторов был весьма предвзятым и тенденциозным. Из всего сказанного следует один неоптимистический вывод. Запущенный в XVI в. культурный механизм продолжает действовать. И какие бы усилия по формированию своего положительного имиджа не предпринимала бы Россия, это бесполезно, потому что положительному образу России просто нет места в европейской картине мира» (с. 241). Демонстрируя свою объективность, Филюшкин признаёт справедливость некоторых суждений иностранцев о России, но обращает при этом внимание лишь на то, что Россия *отставала* от Запада. Но о том, что недостатки московских порядков тяжело сказывались на положении простого (и не только простого) человека, автор умалчивает. И ещё: историк избегает уточнения того, что он понимает под Европой и под её отношением к России, без чего разговор оказывается во многом беспредметным.

Следует отметить, мягко говоря, не вполне корректное отношение Филюшкина к коллегам. Исходя из состояния источников, он возражает против попыток усмотреть уже в эпоху Василия III и даже его отца существование приказной системы, которая на деле сложилась лишь при Иване Грозном, уверяя при этом, что «особой профессиональной болезнью историков является патологическое желание всё “удревнять”» (с. 61). Однако Филюшкин сам признаёт, что ко времени Ивана III и его сына приказную систему относят отнюдь не все историки (укажем, что в числе противников «удревнения» такие крупные специалисты, как А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, В.Д. Назаров и др.), поэтому едва ли следует выдавать спорные мнения части историков за общий недостаток коллег по цеху, да ещё называть его «патологическим».

Отметим и некоторые другие недостатки книги. Латинское выражение *сui bono* («кому выгодно») под пером Филюшкина каждый раз превращается в *qui bono* (с. 31, 34, 41). Оскорбление величия (*crimen laesae maiestatis*) отнесено к сфере римского частного права (с. 39), хотя это, разумеется, сфера права публичного. Многочисленны и стилистические погрешности – мы встречаем такие обороты и словосочетания, как «уронив свой цивилизационный имидж» (с. 9), «женитьба как гарант политического будущего» (с. 41), «высокоразвитые господа» (с. 252), «осмыслялись на уровне узкого круга церковных интеллектуалов» (с. 304), «государь... уже списал удельного правителя из числа тех, с кем можно иметь дело» (с. 320) и т.д. Кроме того, Филюшкин явно спутал жанры научно-популярной книги по истории и бульварного романа (а редактор А.Ю. Карпов, автор неплохих биографий нескольких русских князей, не обратил на это внимания) и позволил себе такие фразы и обороты, как «хлипкий союзничек» (с. 9), «издохшая Византийская империя» (с. 12), русских «уже нельзя было нагнуть» (с. 252), «зачем жене Соломонии понадобилось мочить Василия III?»²⁰ (с. 270 – название первого раздела восьмой главы), «его доста-

²⁰ Имеется в виду не покушение на великого князя, а то, что Соломония надевала перед соитием с ним мокрую рубаху, но неуместная параллель с уголовным жаргоном очевидна.

ли мокрые рубахи» (с. 272) и т.д. Кто-то назовёт это стилистическим хулиганством, а кто-то скажет, что автор «креативен» и шагает в ногу со временем – одно другому не противоречит.

Каков же итог? Перед нами книги на недостаточно изученные темы, и в этом смысле их выход в свет можно приветствовать. Однако в обеих имеются серьёзные упущения. В первом случае это обусловлено невысоким профессиональным уровнем исследования. Во втором – тем, что кропотливой работе с материалом автор предпочёл сомнительные лавры «теоретика» и «креативного» писателя. И об этом приходится лишь сожалеть.

К столетию Аркадия Георгиевича Манькова

Борис Миронов

19 марта 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного отечественного историка Аркадия Георгиевича Манькова. Он ушёл от нас 2 марта 2006 г., не дожив до 100-летнего юбилея 7 лет и 17 дней.

Аркадий Георгиевич родился в Санкт-Петербурге 19 марта 1913 г. Его отец, выпускник юридического факультета столичного университета, до 1917 г. служил обер-секретарём гражданского департамента Сената, а затем, в 1917–1931 гг., – членом коллегии адвокатов в г. Кашине, куда вынужденно уехал после Октябрьского переворота. Вести гражданские дела в суде после коллективизации он не имел сил и желания, поэтому в 1931 г. вернулся в Ленинград и до своей смерти в 1942 г. находился на хозяйственной работе. В 1930 г. Аркадий Георгиевич окончил среднюю школу в Кашине, но из-за своего непролетарского происхождения не смог продолжить учёбу в университете. Для приобретения рабочего стажа в 1931–1933 гг. он служил статистиком на комбинате «Красный треугольник» в Ленинграде и одновременно в 1932–1935 гг. учился на высших курсах библиотековедения при Государственной публичной библиотеке. По окончании курсов он работал библиотекарем сначала в НИИ жировой промышленности, а затем – в Государственной публичной библиотеке. Заработав необходимый стаж, в 1935 г. Аркадий Георгиевич, наконец, поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ). В те годы он писал прозу и участвовал в литературных объединениях. В 1940 г. он с отличием окончил университет и был оставлен в аспирантуре при кафедре истории СССР. Только в 1939 г., на 26-м году жизни, он был вынужден вступить в комсомол – иначе невозможно было поступить в аспирантуру.

В 1940–1941 гг. он – аспирант кафедры истории СССР исторического факультета ЛГУ. Начавшаяся война вновь на пять лет прервала его путь в науке. 1 июля 1941 г. он был призван в Красную армию и пять лет прослужил на командных должностях в частях аэродромного обслуживания Ленинградского и Волховского фронтов – командиром взвода, политруком и командиром роты,